Сотни грязных фантазий - и целая вечность впереди.

Маленькую, душную комнатёнку заполнял влажный чавкающий звук. Широкая спина какого-то толстого мужика, лоснящаяся от пота, конвульсивно трепыхалась на просторной кровати, а ямочки на его бёдрах то образовывались, то разглаживались. Он кого-то мял под собой, ритмично вводя и выводя свой грязный член в хлюпающую влагой плоть. Но он был велик, а его партнёрша - напротив. Из-под этого жирного тела торчал лишь чёрный, заканчивающийся стрелочкой хвостик, да на бёдрах бессильно пытались сжаться слишком короткие для этого ножки.

- К... кончаю! Я кончаю! - Заревел он, ускоряя движения, делая их грубее, отрывистее, вжимаясь глубже в мягкую плоть под собой.

Стоны под ним, похожие на жалкий скулёж, тоже усиливались, становились чаще, громче, сдерживать их было всё сложнее. И всё же, звонкий женский голосок вырвался из-под груд этих придавивших её тело жира:

- В-в меня! Заполните! За... Заполните меня! Всю!

Как будто он собирался поступить как-то иначе. Сократившись всем телом, словно какая-то жирная гусеница, он во всю силу вогнал себя в самые глубины её растянутой, разбитой им же матки - и излился нечеловеческим, немыслимым объёмом семени, заполняя и раздувая собой растянутый живот существа, что находилось под ним, вливая новые и новые порции вязкой, дурно пахнущей жидкости.

- О-ооо да... Ооох! - Застонал человек... и перевалился набок, с чавканьем ходя из партнёрши, которую он только что вдавливал в кровать.

Миловидную девушку с длинными голубыми волосами, совсем невысокую ввиду своей особой наследственности, ещё била дрожь от оргазма, а её растянутый живот пухлился влитым в него семенем. Она производила странное впечатление - широкие бёдра, узкие плечи, едва заметная, но мягкая на вид грудь и чёрные рожки, практически сходящиеся на лбу. Из-под спины торчали маленькие крылья, в каком-то неудобном, неестественном положении. Дамианка. Представительница расы демонов-ренегатов, оставивших путь чистого разрушения. Пятьдесят два года от роду, хотя по внешности ей было сложно дать какой-то конкретный возраст. Она жадно хватала ртом воздух, когда кровать у её ног скрипнула - и на смену тому толстяку на неё полез другой человек. Этот напротив, был худым и лысым - голову его покрывали затёртые радиальные татуировки с какими-то буквами. Он приставил свой огромный, усиленный порочным колдовством член к её широкому, разбитому входу, бывшего некогда узенькой, тесной щёлочкой... И всё же, он не должен был влезть. Никак. Пусть её бёдра и были широки, вместить в себя головку, размером лишь слегка уступающую плотно сжатому кулаку, было непросто. Но он вошёл. Вошёл внутрь её разбитого тела, плавно вводя бугор внутрь её живота, на все двадцать семь сантиметров своего мужского органа, снова вздыбливая плоть на её груди и выдавливая наружу семя своего друга.

И затем, взяв её за руки - потянул на себя, укладывая её тело поверх своего. Хватая пассивную девушку за мягкие, широкие бёдра, он начал двигать ею, совершая недвусмысленного характера действия.

Снова чавканье, снова скулёж измученной дамианки, которая уже выдохлась и не могла продолжать - но продолжала... и когда она снова достигала своего лимита - её шеи коснулось что-то острое, пронзая плоть... и по телу, от шеи и вниз, до груди, до живота, прошла холодная, парализующая волна. Ей что-то вкололи! Но до того, как она успела хотя бы как-то возмутиться - жирный тоже взялся за её бёдра, чтобы снова заложить в её нутро свой член. В попу? Нееееат. Он так же вошёл в её киску, растягивая и без того бедный орган до сверхпределов. Трудно вместить и один? Она вместила два.

И кончила. Чтобы лечь без сил более пошевелиться, с чувством странной дрожи в конечностям, пока её телом продолжали пользоваться эти... мрази. Чтобы спустя долгие, выматывающие пять минут - снова вылиться в неё, округляя живот до схожих с беременностью величин. А когда же они, выжатые до последней капли, покинули её тело, выворачивая наружу уставшую от изнурительного секса матку - худой человек поднял с пола, с пыльного, грязного пола анальную затычку на цепочке - и вставил её ей в кервикс, попутно вправляю розовую, покрытую семенем трубку обратно в её тело. Большего она выдержать не могла - и, пуская пузыри по высунутому изо рта языку, погрузилась в беспокойное беспамятство.

***

Тяжело дыша ртом, с явно различимой одышкой, будто сколько она ни пыталась дышать, ей было мало, она пошевелила поднятой над головой рукой - и цепь легко звякнула. Она была полностью обнажена, лишь на шее болтался привычный ей ошейник. Который они снять не смогли - или не захотели. Потому что он был удобен. Нарастив на нём цепь на лишние полметра, её приковали к толстой скобе, вбитой прямо в крышку тяжёлого комода, и от того она могла либо сидеть на полу, либо улечься на самый край кровати. Но ей было всё равно. Уйти она всё равно не могла.

И живот у неё всё набухал. Затычка внутри её тела, возвращавшего свою тугость, сильно мешала, её хотелось вытащить, а те несколько красных точек на её шее, они зудели и откровенно болели. Что они ей вкалывали? Зачем? Но именно это было причиной этого тумана в олове, этого бессилия.

- Время кормёжки! - Раздался голос жирдяя, и он, подняв девку за подмышки и натянув цепь, усадил её на кровать. Чтобы начать перед ней расстёгивать штаны.

Она, мутная, не способная соображать, приоткрыла рот, позволяя ему приставить к её влажным розовым губам свой дурно, но оттого там приятно пахнущий член. Он начал дрочить. Между тем, с подносом, на котором лежало что-то уже более походящее на нормальную еду, а также пустой стакан и... молоток с неприятного вида долотом, вошёл второй из её содержателей.

И пока первый собирался напоить её, он, забравшись на кровать, заботливо завязал её лазурные локоны в два длинных хвостика и прошептал:

- Ты можешь сделать их тёмными? Свои волосы?

Демонское отродье закрыло глаза. Свои большие тёмное-синие глаза, сейчас пустые, слившиеся в один сплошной погасший диск, где нельзя было различить, где кончался зрачок, а где начиналась радужка. Даже для такой простой задачи ей оказалось очень сложно сконцентрироваться. Но отказаться она не могла, и её волосы... Её волосы, от корней и до самых кончиков, перекрасились в тёмный, коричневый цвет. Как они и просили.

- Молодец, молодец, девочка моя... - Её головы коснулась худая ладонь... И снова укол в шею, что заставил её поперхнуться слюной - но она даже откашляться не смогла, а только свесила голову, позволяя ей вытекать из неё самотёком.

Что-то звякнуло о её прекрасный чёрный рог - и девушка с ужасом попыталась отпрянуть, возмутиться, что нет, нельзя этого делать - но лишь до конвульсий сжала на ногах пальцы...

Удар. Удар и треск ломающейся кости. Кусок рога отлетел в сторону - и боль. Невыносимая, страшная боль, ни разу и граничащая с болью приятной. Взвыв, она попыталась... сделать хоть что-то, но ладонь толстяка опять легла на её затылок, прижимая её рот к головке своего члена...

Снова удар. Рог расщепился на части, превращаясь в своё жалкое подобие, а девушка, с чувством, как что-то горячее обливает ей шею, стекает по затылку, по плечу и на спину, забилась в припадке. Что же... до того, как она-таки выключилась от пронзившего её тело болевого шока - она успела заметить, что они и сами перепугались от того, что натворили...

***

Вжух. Вжух. Вжух. Вжух.

Снова боль. Как она от неё устала. От ЭТОЙ боли... От... от любой боли. Ей просто хотелось отдохнуть. Выспаться, дать телу время...

По черепу шла дрожь, а она слабо стонала, когда пыталась просто дышать - воздуха всё равно не хватало. Туман застилал ей взгляд. Что-то сыпалось на её щёку. Пыль? Опилки? Она не сразу догадалась, что с этим звуком они пилили ей второй рог. Немного более щадящий метод, но... слёзы потекли из ей глаз. Ей было очень обидно. Что они с ней делали? Зачем?

- Х... хва... тит... мы так... так... Вы изу... - Слова давались очень не легко. Как будто тело её реагировали через какого-то посредника, с задержкой. И при этом она не могла даже пошевелиться, даже поднять свешенную с кровати руку.- ...изуодовали... меня...

Звякнула по тонкому стеклу иголка - и в шею ей снова впрыснули какую-то лишающую воли отраву. Слюна безвольно потекла изо рта, скапливаясь под пухленькой, прижатой к кровати щекой.

- Тише, тише. Скоро всё закончится. Не бойся, всё закончится. Твой животик уже такой большой, и круглый...

Толстяк отложил шприц с отравой на столик и погладил её по животу, большому, округляющемуся к низу, от самой её груди животу, даже как будто бы с нежностью... и поднял ногу, ставя её коленом на кровать. У лица дамианки снова оказался его член. И, будто бы она собиралась, будто бы могла сопротивляться, он зажал ей нос, второй же рукой приоткрывая ей рот...

Толстая мясная палка, до острой ноющей боли в скулах, проникла меж её губ, отправляясь глубже с характерным давящимся звуком - до спуска в горло, отчего у девушки снова перед глазами поплыли разноцветные огни... и глубже. Глубже, набивая её горло, заставляя его набухнуть - прямо в сам пищевод, пока его курчавая волосня на паху не упёрлась ей в нос, не защекотала его... Она не могла дышать. И ей всё равно захотелось чихнуть. Это... это были очень необычные и ни в коем случае не приятные ощущения.

Один пилил ей рог. Второй имел, доставая собой почти до самого желудка. А она терпела. Липкий от пота живот бился о её нос, о губы, глаза, а этот запах... Влажное, утробное чавканье. Она давилась. Она ощущала его внутри своей груди, толстого и упругого. Как он ползает там. Туда-сюда... Туда-сюда. Туда-сюда. И всё же терпела, надеясь на то, что он кончит до того, как она задохнётся, последней искоркой своих мыслей думая о том, как эта штука, чужая и инородная в её теле, так плотно заполняет в нём пустоты...

- Ты мне х*р этой пилой только не отрежь!

Они загоготали, пока из неё уходило сознание, а зрение сужалось в одну точку... Вот перед ней помахали какой-то чёрной изогнутой штукой, на разрезе она была почти белой. Её рог. Её прекрасный рог... А потом, кажется, она всё же потеряла сознание... Однако представителя её расы убить крайне непросто, и когда непосредственно в её желудок вылились вязкие белёсые потоки семени, и член жирным, мягким слизнем вылез из неё, она, уже погружённая в беспамятство - громко вдохнула, фактически возвращаясь на этот свет. Чтобы тут же забиться в приступе сильного кашля, вместе с воздухом, втянув в лёгкие слюну и прочие оставшиеся в ней выделения.

Но она выжила. Выжила!

- Агх! Б-беесово семя! - Сказал жирдяй, одновременно и пытаясь вдеть ногу в тапок, и разглядывая свой член. Сейчас, когда он был удовлетворён и девушка уже не казалась ему такой желанной и прекрасной, у него появлялись и другие мысли. Схожие с мыслями его товарища. - Слушай, я, кажется, о её зуб только что член поцарапал. Больно-то. Мужик, ты же брал клещи? Мне кажется, я знаю, как ещё её можно "улучшить". Ей и самой будет так

проще...

http://erolate.com/book/97/808